ISSN 0130-6545

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

"ОДУРАЧЕННЫЕ" ИЗ ДНЕВНИКОВ ФРИДРИХА КЕЛЬНЕРА (1939–1945)

ПЬЕСА ГОВАРДА БАРКЕРА "ВОЗМОЖНОСТИ"

ДВА ЭССЕ О ШЕКСПИРЕ ИВА БОНФУА

2014
10

Основан в 1955 году

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

И еще одна документальная проза: если дневники Ф. Кельнера дают представление о сумасшествии, постигшем нацистскую Германию, то Лена Син-Лин (1937) описывает безумие на другом конце света: годы «культурной революции» в коммунистическом Китае. «ИЛ» печатает главы из книги ее мемуаров «Белое внутри черного, черное внутри белого».

- Син-Лин
  - От редакции
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

Син-Лин
Белое внутри черного, черное внутри белого
Главы из книги [1]

Памяти моих родителей посвящается

От редакции

В этой книге нет почти ничего, что не соответствовало бы действительности. Как пишет автор, Лена Дин-Мин (Син-Лин — данное ей при рождении китайское имя): «…большинство имен, мест, дат, событий, а также сами факты не изменены. Но автор не ручается, что его память является зеркалом, которое на сто процентов точно отображает все прошедшие конкретные события. <…> Однако за главные события автор ручается: они описаны так, как происходили». А событий в жизни самой Лены и ее близких было много, чересчур много, — поразительных, страшных, которые, возможно, покажутся невероятными многим нашим современникам, хотя реально выпали на долю огромного числа людей, попавших под каток политической машины в СССР и Китае в 30–60-е годы XX века.

Лене довелось появиться на свет в 1937 году в СССР. Родители ее, китайские коммунисты, в 30-е годы учились в Москве; отца в 1938-м арестовали как японского шпиона (скорее всего, потому что отказался стать осведомителем ГПУ), и он 17 лет провел в советских лагерях, мать отослали обратно в Китай, где она активно включилась в политическую жизнь и занимала важные партийные посты, пока не стала одной из жертв культурной революции; Лена, которой не было и года, осталась в Союзе…

Москва. Лене полтора года, родители оставили ее в яслях КУТВа. Лето 1938 г.

В 1950 году ее вместе с другими китайскими детьми схожей судьбы — воспитанниками Интернационального детского дома, никогда не видевшими своей настоящей родины, не знающими родного языка, считающими себя «советскими интернационалистами», — отправляют в Китай. Там мыслящая девочка старается разобраться в новой действительности, примирить прежние представления обо всем на свете с новой правдой, учится существовать в новом отечестве, надев (по примеру многих вокруг) защитную маску. «Наивная, доверчивая, открытая и беззаботная полурусская-полукитаянка Лена Дин-Мин исчезла, появилась ко всему равнодушная, скрытная, фальшивая китаянка Су Линьин. <…> Партия была ею довольна, мать тоже,

а также друг Чжен. Только полурусская девочка Лена продолжала ругать китаянку Су Линьин», — пишет о себе Лена. Так она пережила страшные 50–60-е годы, еще раз, теперь уже навсегда, потеряла мать, пострадала сама; пережитое, судьбы родителей и друзей в конце концов помогли ей разобраться в том, что происходило и происходит в двух ее отечествах.

В 1974-м, в начале китайской оттепели, Лена стала писать, по-русски и по-китайски, воспоминания о своей несчастной матери, во имя великой коммунистической идеи предавшей любимого мужа, смирившейся с потерей детей (в СССР у нее были еще две дочери, одну отобрали в роддоме, вторая умерла пяти месяцев от роду). Эти воспоминания и стали основой первой части («История одной не-семьи») будущей книги. Вторая часть, «История репрессий китайских революционеров в сталинском ГУЛАГе» (документы и публикации), — итог работы Лены Дин-Мин в США, где она живет с 1987 года. Приведем еще одну цитату, завершающую первую часть, но имеющую прямое отношение ко второй: «Лично мне жалко их [интердомовцев] репрессированных отцов и матерей, которые после смерти не только не удостоились признания своих самых близких людей, но и даже своих родных детей. Ну а я как дочь одного из жертв сталинского террора, пожелаю всем этим униженным, оскорбленным и забытым отцам и матерям: пусть земля вам будет пухом!»

С первых же строк читатель увидит, что автор не владеет русским языком в совершенстве. Мы не сочли возможным править стиль этой книги.

Глава восемнадцатая
Трагическая гибель матери

Вначале 60-х китайской стороне нужен был козел отпущения, чтобы переключить внимание голодающего народа с внутренних проблем на внешние. Таким козлом отпущения стал Советский Союз. Советская сторона поддалась на удочку китайской стороны и отозвала в этом же году за очень короткий срок всех своих специалистов. А их были тысячи, и работали они в ключевых отраслях китайской промышленности, а также в области искусства и культуры. Воспользовавшись этим поступком советского правительства, китайское руководство разожгло пыл патриотизма-национализма китайского народа. Все ненастья и беды, с которыми столкнулся в этот период Китай, были свалены на врага номер один — СССР.

После этого все партийные организации по указанию Центрального комитета потребовали от своих членов и рядовых сотрудников письменного отчета о всех бывших и настоящих связях с Советским Союзом. Для меня эта задача была очень легкой, так как Интердом был единственным местом, где я прожила десять лет, остальные места я просто не могла помнить. Однако было страшно смотреть на мою мать и наших старших ребят, которые сидели за бумагами по несколько дней. Я подумала: «Опять началось».

Мать пыталась запретить мне ходить на сборы наших ребят, говорила, что они на меня плохо влияют. Я ей ответила: «Подумай, куда я от них убегу, когда я должна общаться с ними по работе? И к тому же ведь на эти сборы ходят и дети Мао Цзэдуна, Чжу Дэ, Лю Шаочи и других вождей. Чего ты боишься?» Мать махнула на меня рукой.

В 1962 году начали исчезать некоторые старые коммунисты, которые были тесно связаны с Советским Союзом и с работой нашей группы[2]. Исчезла Лу Цзиньжу, специалист по русским переводам на Центральном радиовещании, она считалась одной из первых читательниц наших переводов; исчез из ссылки и Ши Чже, который долгое время был переводчиком Мао Цзэдуна и первым директором Бюро переводов при ЦК КПК, но потом провинился и был сослан в провинцию Цинхай. В нашей группе пошли слухи, что их арестовали как советских шпионов.

В начале 1963 года не стали приходить на наши сборы в дом Эми Сяо, отца двоих наших мальчиков, некоторые девочки из

Чжуннаньхая. Однажды Ира[3] мне сказала, что отец предупредил ее, что Эми Сяо и его жена Ева находятся под негласным политическим контролем, поэтому нужно избегать общения с их семьей[4]. Женя Чувень сообщила мне то же самое, предупредил ее дядя Кан-Шен. Ни Ира, ни Женя к совету не прислушались и пришли на встречу Первого мая 1963 года. Это была наша последняя встреча перед «культурной революцией». У меня на душе было тяжело, так как атмосфера недобрых предчувствий сгущалась. Мой класс был почти в полном составе: Ведя, Толик, Ира, Роза и я, отсутствовала только Чао-Чао[5].

Мы также сфотографировались вместе с Эми Сяо и его супругой Евой. Потом мы все поплатились за это, так как вскоре Эми Сяо и Ева были арестованы. Эти карточки фигурировали в моем деле в качестве вещественного доказательства.

Одноклассники, слева направо: Лена, Ведя, Ира, Толик, Роза. Пекин, май 1963 г.

У нас в гостинице политическая атмосфера тоже постепенно сгущалась: из временной организации нас официально перевели в Бюро переводов при ЦК КПК, где создали новый отдел по переводам произведений Мао Цзэдуна, хотя мы до поры до времени оставались жить в гостинице. Бюро переводов прислало к нам специального партийного работника, у которого была только одна забота — контролировать мысли сотрудников.

Из русской группы ушел почти весь костяк — Фи-фи вернулась в свое учреждение, Маяна перевели работать в

Военный комитет по переводам произведений Мао Цзэдуна, Лили вернулась на Центральное радиовещание, куда она несколько лет назад перешла из Народного университета. В гостинице стало пахнуть порохом, которого я вдоволь нанюхалась в Народном университете.

Первый ряд, слева направо: Катя, Лора, Женя с дочкой, Ира; второй ряд, слева направо: Лена, Тина, Ева, Эми Сяо, Юля, Роза; третий ряд, слева направо: Лион, Ведя, Толик. Последняя встреча интердомовцев перед «культурной революцией» в доме Эми Сяо. Пекин, май 1963 г.

Но судьба все-таки пожалела меня и увела из этой атмосферы — я в третий раз попала в деревню, на целых восемь месяцев. Помню, два больших события провожали нас в новый «поход»: 15 октября 1964 года Хрущева сняли с поста Генерального секретаря ЦК КПСС, а 16 октября была взорвана первая атомная бомба Китая в районе Синьцзяна, как будто был поднят в небо самый большой фейерверк в честь поражения Хрущева. Да, Хрущев сделал много полезного в деле разоблачения преступлений Сталина, но его неотесанный характер сыграл злую шутку в советско-китайских отношениях. Именно 16 октября большая группа сотрудников Бюро переводов выехала в уезд Тунсянь, пригород Пекина. Задача — руководить в деревне так

называемым политическим движением «четыре чистки».

Руководителем «рабочего отряда», членом которого я стала, был заместитель секретаря партийного комитета уезда Чанпин Чень Ситун, будущий член Политбюро ЦК КПК и мэр Пекина в 80-х годах, который закончил свою карьеру весьма плачевно — его в 90-х годах арестовали и осудили за коррупцию на долгий срок тюремного заключения. Кое-кто поговаривал, что он ни в чем не виновен, а посадила его так называемая шанхайская группа, которой нужно было во что бы то ни стало протиснуться в высшую власть. Я в это время уже была в Америке, в китайских делах совсем не разбиралась, только поняла, что дело опять касается борьбы за власть. В мое время Чень Ситун был моложавым, веселым, общительным и оптимистически настроенным прагматиком. Различные партийные ограничения он не очень соблюдал и не требовал этого от своих подчиненных. Но само движение зашло вскоре в тупик, потому что простые крестьяне оказались умнее партийных работников. Когда началась атака против так называемых классовых врагов в деревне, крестьяне попросту все поголовно во всех приписываемых грехах сознались и понесли свое будто бы награбленное имущество в место расположения непрошеных гостей. Как они говорили: «Пнули мяч в сторону пришельцев». Простые крестьяне были так хорошо научены нескончаемыми политическими движениями, что были готовы в любое время сознаться в любых грехах, только бы их оставили в покое. В конце концов, они нашей рабочей группе так заморочили головы, что мы совершенно не могли разобраться, кто прав, кто виноват. Чтобы благополучно уйти из деревни, Чень Ситун распорядился вернуть все имущество крестьянам обратно и объявить движение законченным. В сентябре 1965 года мы вернулись «победителями» в Пекин.

В конце 1965 года все группы нашей временной организации стали готовиться к переезду в город на новое место работы, где во дворе Бюро переводов специально для нашего отдела было построено восьмиэтажное здание. Вот здесь и начался кошмар «Великой пролетарской культурной революции».

Перед началом этого всекитайского бедствия произошла последняя встреча моих родителей. Сам Бог захотел, чтобы они встретились.

Дело в том, что мать и ее семья должны были уехать из Пекина на юг Китая в Чанша — столицу провинции Хунань. Как ни старалась моя мать уберечь свою незапятнанную репутацию, беда пришла к ней с совсем неожиданной стороны — от ее мужа

Су Мина. Он опять провинился. На этот раз он изнасиловал молодую секретаршу, которая после окончания Педагогического института была направлена на работу в учреждение, где он работал заместителем директора. Его опять стали проверять, он притворился больным и совсем ушел с работы. Организационный отдел ЦК КПК и Министерство металлургии КНР решили отправить его подальше от Пекина, чтобы не портить репутацию партийной организации. Но что делать с моей матерью? Она не только ни в чем не провинилась, а, наоборот, имела большие заслуги перед социалистическим строительством Китая, продолжала быть народным депутатом Всекитайского собрания, три созыва подряд, а также была общепризнанным партийным представителем на всех сессиях КПК. Она также часто публично выступала от имени национального меньшинства — маньчжуров. Но оставлять ее в Пекине одну без мужа не полагалось. Орготдел отправил мою мать на годичные курсы Высшей партийной школы.

После окончания учебы ее несколько раз вызывали на беседы в Орготдел. Наконец, она решила ехать всей семьей в Чанша. Официально она оставалась на работе в Министерстве металлургии, так как была назначена секретарем партийной организации Центрально-Южного горного института, который был непосредственно подчинен Министерству. Но Су Мина, чтобы от него окончательно избавиться, назначили проректором Института китайской медицины провинции Хунань. Их дети должны были уехать вместе с ними. Это был вынужденный переезд, поэтому в маминой семье в течение нескольких месяцев нагнеталась напряженная атмосфера.

Наступил Праздник Весны 1966 года. Уже несколько лет подряд у меня с отцом почти все встречи происходили во второй день этого праздника, раз в год. Никто ни о чем конкретно не договаривался, но отец знал, что я буду приходить именно в это время, знала об этом и моя мать. Каким-то образом отец ухитрялся оставаться в этот день в квартире один — Октябрина с детьми уходила на различные празднества, которых было множество в эти дни. Все эти годы я лично с ними ни разу не встречалась. Дети даже не знали (или не помнили) о моем существовании. Бабушка к этому времени жила со своим сыном Октябрем, который после окончания института в Москве вернулся в Китай, женился и уже успел обзавестись детьми.

Мать с подругой во дворе Высшей партийной школы. Пекин, 1964 г.

Каждый год в этот день мою мать как будто подменивали. Она не могла спокойно сидеть на одном месте, забирала моего малыша и спешила меня выпроводить. Успокаивалась только после моего рассказа о том, что нового я узнала об отце. И в беседе с отцом постоянно звучали вопросы о моей матери.

И в этот раз, на второй день Праздника Весны 1966 года, отца, кроме моей матери, ничего не интересовало. Узнав от меня,

что после праздников мать со всей семьей собирается переезжать в Чанша, он без обиняков сообщил мне: «Завтра вечером в Большом зале Народного собрания будет большое представление в честь Праздника Весны. У меня есть один билет». Я сразу же поняла его намек и сообщила: «У мамы на завтра тоже есть билет в Большой зал Народного собрания, только не на одного человека, а на всю семью. Она, наверное, поедет туда вместе с детьми». Отец заключил: «Хорошо, я буду там обязательно».

Я точно знала, что они встретятся. Я лишь недоумевала, как это им удастся, потому что все большущие залы будут заполнены многотысячными толпами людей. Как они найдут друг друга?

Когда мы с мамой, сестрами и братом на следующий вечер приехали во Дворец Народного собрания на машине Министерства металлургии, празднество было уже в разгаре. Мы прошли в зал для аттракционов. Мать села у входа на трехместный диван, а я повела сестер и брата развлекаться. Через полчаса, когда мы с подарками в руках прибежали к маме, она уже там мирно беседовала с моим отцом. Мать встала, прижала к себе сына Ган-гана и сказала отцу: «Это мой единственный сын».

Я опять увела детей, и мать с отцом смогли провести вместе еще два часа. Когда мы во второй раз вернулись, отца уже не было на месте, так как он должен был поспешить на последний автобус. Мать встала нам навстречу и потрепала меня по затылку. Она всегда так делала, когда была мною очень довольна.

Мы, разумеется, не знали, что это будет наша последняя встреча, хотя дурные предзнаменования уже дали нам почувствовать неладное. В следующий раз мы с отцом встретились с моей матерью около ее урны на кладбище Бабаошань в 1979 году.

В середине мая 1966 года на общем собрании нашего Бюро переводов неожиданно объявили, что первый заместитель директора Ван Хойдэ — антипартийный элемент, являющийся членом «антипартийной группировки Пэн — Ло — Лу — Яна». Пэн Чжень был тогда мэром Пекина, Ло Жуйцин — министром вооруженных сил, Лу Дин-и — заведующим Отдела пропаганды при ЦК КПК, Ян Шанкунь — заведующим Канцелярией при ЦК КПК. Таким образом, острие борьбы сразу же было направлено на высшие руководящие кадры Компартии. Назвал их антипартийной группировкой сам Мао Цзэдун через свою жену Цзян Цин. Всех сотрудников нашего Бюро разместили в нескольких автобусах и повезли на «митинг борьбы» против этой группировки, который был устроен в здании Отдела пропаганды при ЦК КПК. То, что мы там увидели, для меня и, может быть, для

многих других сотрудников Бюро было полной неожиданностью.

Все главное здание и двор вокруг него оклеены дацзыбао[6], на которых все имена членов так называемой группировки перечеркнуты крест накрест или написаны вверх ногами, что означало презрение и ненависть к врагам революции. В большом зале уже бушует толпа революционных масс. Хриплые голоса выкрикивают лозунги: «Долой антипартийную группировку Пэн — Ло — Лу — Яна! Долой контрреволюционера Лу Дин-и!» На сцене зала стоят с поникшей головой Сюй Личунь, заместитель заведующего Лу Дин-и, и другие новоявленные контрреволюционеры. Сюй Личунь по совместительству — директор нашего Бюро переводов. А ведь эта толпа — сотрудники одного из самых важных отделов ЦК КПК, почти все старые и опытные коммунисты!

В новое политическое движение со скоростью молнии включился весь многонаселенный Китай. Ведь подумать только, нашлись же люди, которые поднялись против великого вождя — Председателя Мао! Таким в самом начале было настроение народа. Таким было и мое настроение, а также большинства окружающих меня сотрудников Бюро переводов. Я лично считала, что «мудрый вождь» Председатель Мао узнал, что творят кадровые партийные работники в низших партийных инстанциях, и решил пресечь их произвол. Примером для меня служили мои мучители в Народном университете. В то время авторитет Председателя Мао в народе был очень высок, его считали святым. Как советские бойцы во время войны с криком «За Сталина!» бросались в бой, так и в Китае того, кто осмелится пойти против Председателя Мао, народная толпа могла растерзать в клочки. Толпа есть толпа.

Далее сам Председатель Мао, подняв народные массы на борьбу, назвал по именам своих врагов, вывесил свою первую дацзыбао, направленную против Председателя КНР Лю Шаоци, который ранее был объявлен преемником самого Председателя Мао, а также призвал китайских подростков уничтожать все старое, включая древние памятники китайской культуры, которые назвал «четырьмя пережитками». Только после первых трех лет «культурной революции» стало ясно, что лишь не контролирующий себя человек мог придумать такие издевательства над всем народом. А тогда, летом 1966 года, никто из простых людей еще не понимал, что задумал «великий кормчий».

Пекин кипел — работа в учреждениях прекратилась, учеба в школах и вузах тоже остановилась, школьники и студенты всей страны вышли на улицу. Чтобы им было удобнее заниматься

революцией, транспорт, включая поезда, бесплатно предоставили в их распоряжение. Когда бунтующая молодежь добралась до Пекина, всем учреждениям приказали бесплатно предоставлять им жилье, кормить и возить по Пекину в целях ознакомления с политическим движением. Ко мне в комнату в коммунальной квартире поместили шесть подростков четырнадцати-пятнадцати лет. Я предоставила им все одеяла и простыни, а сами мы спали не раздеваясь в той же комнате, сын у меня на руках. Молодых бунтовщиков нельзя было обижать, ведь их объявили «гостями Председателя Мао». После двух недель их пребывания все мое добро превратилось в черные клочья бесформенных тряпок.

Милицейские участки выгребали из своих архивов личные дела «врагов народа» и передавали этой зеленой молодежи. Бунтовщики-подростки с подачи милиции вламывались в квартиры и дома так называемых контрреволюционеров и расправлялись с ними, как хотели. Тысячи людей погибли от рук подростков, которые забивали свои жертвы до смерти. Фактически как милиционеры, так и вожди «культурной революции» Кан Шэн[7] и Цзян Цин просто-напросто рассчитывались со своими личными врагами руками этих «застрельщиков революции».

Однажды толпы таких школьников-хунвейбинов[8] вломились в дом нашего непосредственного руководителя, замдиректора Бюро переводов Цзян Чуньфана. Временные руководители Бюро стали искать людей, которые могли бы стать представителями от Бюро и любой ценой не допустить физической расправы над семьей Цзяна. А это вполне могло произойти, так как ЦК партии уже объявил Цзяна Чуньфана контрреволюционером. Выбор пал на меня и других молодых сотрудников, которые в политическом отношении были еще незапятнанными. Чтобы мы могли на равных правах разговаривать со школьниками, наши начальники выдали нам повязки с надписью «хунвейбин». Мы отправились на место происшествия. Подростки как раз разбивали во дворе произведения искусства, уничтожали картины и бросали друг в друга горшки с цветами. Шла детская игра в победителей. Но нам было не до шуток, потому что они уже взялись за членов семьи Цзяна. Они объявили мать Цзяна помещицей, вытащили ремни и приготовились избивать и старушку, и жену Цзяна. Обе женщины сидели на полу и с ужасом в глазах защищали голову руками. Я вмешалась: «Давайте сначала уточним семейное происхождение матери Цзяна». Кто-то из сотрудников позвонил в Бюро и ответил хунвейбинам, что все в порядке, здесь никто не относится к категории врагов. Но школьники уже вошли в азарт, руки у них чесались, им нужны были жертвы. Они стали кричать, что мы —

апологеты врагов, что мы защищаем контрреволюционера Цзяна Чуньфана и не хотим его выдавать. Затем они потребовали машину, чтобы увезти из дома Цзяна все ценные вещи. Мы не хотели человеческих жертв, быстро вызвали машину из Бюро и отвезли безумных подростков вместе с награбленным ими имуществом подальше от дома, на временный склад «четырех пережитков», устроенный городскими властями.

Подобных случаев в начале «культурной революции» было немало. Однажды школьники до полусмерти избили члена нашей русской группы, «исторического контрреволюционера» Сюй Лицюня и заставили его же детей не только следить за отцом, но и прилюдно унижать его. Нашу кудрявую Розу схватили на улице, повели в милицию и пытались остричь наголо, так как школьники заподозрили, что она делает завивку. Но Роза сумела доказать, что волосы у нее кудрявые от рождения. Профессора из французской группы хунвейбины забили до смерти по наущению милиции, которая считала его представителем реакционной интеллигенции.

Однажды я проходила с четырехлетним сыном мимо большого перекрестка почти в центре города. Издалека мы увидели автомобиль, раскачивающийся под руками воинствующей молодежи. В машине сидели четверо белых мужчин, которые тихо разговаривали между собой по-русски. Я поняла, что это работники советского посольства. Я с сыном подошла к милиционеру и показала ему на толпу: «Сообщите, пожалуйста, в ваш участок и скажите, что может произойти международный скандал». Он уперся в меня удивленным взглядом и спросил: «А вам какое дело? Это революционные массы хотят проучить современных ревизионистов». Он вынул из кармана записную книжку и приготовился записывать мое имя и место работы. Я слегка ущипнула сына, он заплакал, и мы быстро удалились восвояси.

Избиения и убийства на улицах переместились в учреждения. В Пекинском университете студенты мазали грязью и тушью лица и руки профессоров, в знаменитом университете Цинхуа студенты заставляли профессоров стоять по целым дням на коленях. Цзян Цин провозгласила лозунг: «Атакуйте словами, защищайтесь силой!» Группа учениц средней школы забралась в старый монастырь в Восточном районе Пекина, где доживали последние годы восемь голландских монахинь, и всех перебила. Трупы бедных старушек были выставлены на улицу, и несколько дней никто их не убирал. Пекин, да и вся страна, стали кровавым побоищем. Подстрекаемая Председателем Мао и его соратниками озверевшая толпа жаждала все больше и больше крови.

Тогда я не могла понять, что происходит на самом деле, потому что и в верхах творилось что-то непонятное. В правительственной резиденции — дворце Чжуннаньхай — устраивали «митинги борьбы» не только против Лю Шаоци и Дэн Сяопина, которых в то время считали врагами номер один и номер два, но и против народного любимца — генералиссимуса Чжу Дэ. Вокруг самого дворца дни и ночи бушевала «народная месть»: бунтовщики почти всех учебных заведений соорудили палатки, из которых круглосуточно выкрикивали в рупор лозунги и передавали воинственные песни на стихи Председателя Мао.

Как раз в это время нужно было в срочном порядке перевести на все главные иностранные языки «драгоценную красную книжку», как тогда называли «Цитатник Председателя Мао». Все группы нашего отдела с головой ушли в работу, которая шла и днем и ночью, соревновались, кто раньше и точнее выполнит срочную задачу «Центральной группы руководства ‘культурной революцией’». После этой книжки последовали бесконечные «наивысшие указания» Мао и «новейшие указания» его заместителя Линь Бяо. Каждый раз после напряженной срочной работы, будь то день или ночь, мы, как и все население Пекина, должны были выходить на демонстрации в честь опубликования этих «указаний». Все улицы Пекина, да и не только Пекина, были расцвечены красными знаменами и длинными полотнищами, на которых были написаны новые изречения Мао и Линя. Тогда это называлось «красными морями и океанами». Все до одного участники демонстраций обязаны были, идя по улицам, размахивать «драгоценной красной книжкой». Да что говорить о простых людях, если даже Линь Бяо, Чжоу Эньлай, Кан Шэн, Цзян Цин и другие руководители «культурной революции» появлялись перед революционными массами только с этой «драгоценной красной книжкой» и, размахивая ею, кричали: «Да здравствует Председатель Мао! Да здравствует наш великий вождь, великий учитель, великий кормчий Председатель Мао! Пусть проживет Председатель Мао десять тысяч лет! Десять тысяч лет!» Совсем как в древние времена выкрикивали пожелания императорам. Древняя нация свихнулась!

В начале «культурной революции» маму в университете, где она работала партийным секретарем, сразу же объявили «элементом, который идет по капиталистическому пути» (наши переводчики придумали сокращенное название — «каппутист»). Большей исторической насмешки я не знала! Кого-кого, но мою мать «каппутистом» назвать мог только безумец, она была стопроцентной фанаткой коммунистического пути. Мать часами

стояла на коленях на всех «митингах борьбы», ее заставляли в сопровождении бунтовщиков ходить по университетскому двору, бить в гонг и кричать: «Я — враг народа, хотела идти по капиталистическому пути!» Ее публично унижали и оскорбляли, но тогда она еще могла возвращаться домой.

Она посылала мне отчаянные письма, спрашивала, что творится в Пекине, не могла понять политики партии, очень просила присылать ей материалы, которые бы хоть немного освещали положение в центре страны. Я посылала ей все материалы, которые попадались мне в руки. Их в большом количестве распространяли организации бунтовщиков. В начале 1967 года она послала оказией с сотрудниками своего университета письмо мне в Пекин, в котором очень просила передать через мои каналы это письмо Кан Шэну. Я выполнила ее просьбу через Женю Чувень. Ответ Кан Шэна, опять через Женю, был таков: «Я частные письма не принимаю». Я знала, что мать со времен Яньани относилась с большим уважением и доверием к Кан Шэну и называла его «щитом от летящих стрел». Ответ Кан Шэна был явным отказом в помощи, и мать была очень расстроена. После этого я долго не получала от нее писем.

И вдруг в конце 1967 года она вместе с Су Мином появилась у входа во двор Бюро переводов. Я не могла поверить своим глазам. Мать объяснила.

Оказывается, во время создания революционных комитетов провинции Хунань и города Чанша бунтующая молодежь решила объединиться с вновь прибывшими кадровыми работниками, поскольку к ним не за что было придраться. Тогда требовалось, чтобы в новых революционных комитетах были представители руководящих работников. Вот они оба и попали в эти списки. Но списки должны были быть одобрены «Центральной группой руководства ‘культурной революцией’», а та требовала, чтобы эти представители приехали в Пекин для обязательной «обработки», то есть проверки. Мать с Су Мином остановились вместе с бунтовщиками в одной из гостиниц Пекина. Лидеры «культурной революции» уделяли городу Чанша и провинции Хунань особое внимание, так как это была родина Мао Цзэдуна.

Лучше бы мама не показывалась на глаза тогдашним «вождям», лучше бы ее не было в этих списках, лучше бы она вообще вела себя тише воды, ниже травы. Тогда бы у нее, может быть, совсем по-другому сложилась судьба. Но она осталась сама собою.

К этому времени я уже была замужем за Хуаном Цзыцзяном, переводчиком испанской группы, и у нас 12 июня 1967 года, в самый разгар «культурной революции», родилась дочка. Моя

беременность, ее рождение, а затем кормление на какое-то время отвлекли меня от «культурной революции», что мне было очень кстати.

Мать пользовалась каждой свободной минутой, чтобы прийти к нам и расслабиться. Но не прошло и двух недель, как мне позвонила тетя, младшая мамина сестра, и спросила, приходили ли ко мне студенты из Чанша, которые разыскивают мою мать. Из этого вопроса я поняла, что у мамы не все в порядке. Перед новым 1968 годом мать выписала в Пекин сестер и брата. Все они остановились у меня. От них я узнала, что в Чанша до сих пор враждуют между собой две большие группировки хунвейбинов, каждую из которых возглавляют студенты из маминого университета. Мама признала одну из сторон революционной, поэтому те сделали ее своим представителем от руководящих работников. Но другая сторона против нее ополчилась; такое положение дел не обещало ничего хорошего. Она могла бы не признавать ни одну из студенческих группировок и остаться пассивным наблюдателем, тогда бы никто не выдвигал ее на роль руководителя революционных комитетов. В глубине моей души что-то дрогнуло.

Мама несколько раз уводила меня во двор общежития и тихо говорила:

— Сейчас, конечно, тебе не следует ходить к твоему отцу: вы оба в критическом положении — все приехавшие из Советского Союза подвергаются самой строгой проверке — и только навредите друг другу. Но когда все кончится, пойди к нему и расскажи обо мне. Скажи, что насчет Чжао Иминя он оказался прав. Тебе действительно лучше прекратить все отношения с его семьей.

Из своих детей я больше всего виновата перед твоей старшей сестрой Чупин[9]. Ее забрали от меня в роддоме, я больше ее не видела и до сих пор о ней ничего не знаю, она на всю жизнь осталась сиротой. Не вини меня, у нас в то время не было выбора. Но если тебе удастся попасть в Советский Союз, попробуй найти твою сестру и расскажи ей мою историю.

Что бы со мной ни случилось, не вини партию и ее вождей, верь в дело коммунизма.

От ее слов мне каждый раз становилось очень грустно — интуиция предсказывала, что все мы кончим очень плохо.

Факты подтвердили мое предчувствие. Уже в конце 1967 года мамина судьба была решена. Цзян Цин, Кан Шэн, а также Е Цюнь — старый враг матери со времен Яньани, а сейчас жена Линь Бяо и член Политбюро ЦК КПК — при встрече с хунвейбинами провинции Хунань объявили им, что моя мать — их враг.

Кан Шэн спросил их: «Вы хотите привлечь в революционный комитет провинции Хунань женщину по имени Линь На?» Получив утвердительный ответ, он объявил: «Я советую вам быть осторожнее. Эта женщина — старая советская шпионка, она скрывается в наших рядах в течение долгих лет. Она работала на советскую разведку и докладывала ей о наших руководящих товарищах, например, об У Юйчжане».

Е Цюнь, воспользовавшись случаем, прибавила: «Эта женщина не только в политическом отношении является скрытым врагом нашей партии, она также — аморальный элемент. Проверьте, сколько раз она выходила замуж! Такие люди не могут стать нашими руководящими работниками!»

Тут Цзян Цин истерически закричала: «Молодые бунтовщики! Мы на каждом шагу стараемся предотвратить ваши ошибки и поставить вас на правильный путь! Наш опыт научил нас многому, поэтому откажитесь от своего выбора и начните борьбу с такими врагами, как Линь На!»

Этого было достаточно. Бунтовщики, которые ранее поддерживали мою мать, уже начиная с Пекина следовали за нею по пятам. Когда после Праздника Весны она с детьми приехала на поезде в Чанша, ее с вокзала увезли на машине во двор университета и поместили в маленькую комнатку около библиотеки, которую называли политическим изолятором. Каждая из двух враждующих группировок хотела показать себя перед Центральной группой более последовательными и приверженными революции бунтовщиками. Поэтому они скрывали друг от друга местонахождение моей матери.

Началось ночью. Они пытали «врага номер один»: всаживали иглы под ногти, вырывали волосы, всю ночь не разрешали встать с колен. На следующее утро все стены зданий университета были покрыты дацзыбао, где крупными буквами были написаны высказывания «пролетарских вождей» насчет моей матери. Ей на шею повесили огромную доску с надписью «советская шпионка Линь На». Ее заставили стоять в кузове грузовика напоказ революционным массам и таскали по всем учебным заведениям города Чанша.

Вечером маму в полумертвом состоянии бросили обратно в камеру. Бунтовщикам не хотелось заниматься ее бытом, поэтому поздно ночью ворвались в ее квартиру, схватили ошеломленную Су Сяолинь, мою тринадцатилетнюю младшую сестру, и заперли вместе с матерью. Они объявили дрожащей от страха девочке, что она должна будет каждый день носить матери еду и убирать за ней. Сколько унижений они претерпели! Идет девочка из столовой со скудной едой, студенты, молодые ребята, идут ей

навстречу, выбивают еду у нее из рук, она со слезами наклоняется и собирает грязную еду опять в плошку. Студенты выхватывают из рук девочки палочки: «Обойдетесь и без них!» Мать успокаивает дочку: «Все пройдет, мы можем обойтись и без палочек. Правда?» Берет зубную щетку и начинает есть задним концом.

Гордая и принципиальная, она хотела, чтобы ее дети были кристально чисты, поэтому скрыла от них, что я — не дочь Су Мина, не говоря уж о том, что никогда не заикалась о существовании моего отца и других ее бывших мужей. Об этом знала только я. Когда все эти факты в искаженном виде были опубликованы в дацзыбао, из Чанша полетели ко мне письма сестер и брата, особенно Бэй-бэй, которой в это время исполнилось семнадцать лет. Они оказались совершенно неподготовленными к такому обороту дел. Я писала им правду, но старалась объяснить особое положение матери в те далекие годы. Совсем другую позицию занял их отец, он обманывал детей, говорил им, что мать от него всю историю скрывала, он ничего не знал о ее прежних мужьях и детях.

В то время я часто видела такой сон: мама, оборванная и окровавленная, появляется в дверях моей комнаты. Я сразу же ее подхватываю и везу на велосипеде в больницу. Медсестра спрашивает ее имя, место работы, я быстро реагирую: «Гуань Шулань, работает в уезде Фэнтай». Я вру, а все мое тело покрывается холодным потом. Просыпаясь от таких снов, я заранее знаю, что меня ничто не остановит перед подобной помощью, если мама действительно появится передо мной.

23 мая 1968 года ее не стало. Накануне бунтовщики выгнали младшую дочь из комнаты матери и велели возвращаться домой. Дети недоумевали: а как мама будет жить без помощи?

Они не знали, что, начиная с этой ночи, помощь ей уже не понадобится. Ранним утром мою мать обнаружили повешенной на водопроводной трубе в студенческой уборной.

Чанша, студенческий туалет, где утром 23 мая 1968 г. на водопроводной трубе над окном нашли повешенное тело матери

Бунтовщики не посчитали нужным показать труп детям, а Су Мин во всем соглашался с ними — тело мамы тотчас отвезли в крематорий и сожгли, не оставив праха. Мама была убита, ей не исполнилось и пятидесяти трех лет.

Глава девятнадцатая
Политический изолятор и трудовой лагерь

О смерти матери я ничего не знала, Су Мин запретил сестрам и брату сообщать мне что-либо о ней. Но после ее смерти вокруг меня начали сгущаться тучи. Поведение окружающих, отношение даже близких мне сотрудников нашего отдела, а также их отношение к моему мужу Хуану Цзыцзяну, — все говорило о том, что меня в ближайшем будущем ждет что-то очень страшное. Я начала готовиться к худшему.

Перед отъездом в Чанша она как будто предчувствовала надвигающуюся беду. Пекин, весна 1966 г., последнее фото матери

К этому времени родители Хуана уже вернулись в Кантон, на свою родину. Они хотели забрать с собой мою малышку, но я не согласилась. Я пристроила ее в надежную и добрую семью рабочего и очень редко оттуда забирала. Ночами, когда муж и сын уже спали, я проверяла все мои бумаги и фотокарточки. Все, за что взбесившаяся толпа могла ухватиться, я тут же уничтожала — рвала на маленькие кусочки и спускала в унитаз. Я даже распрощалась с моими дневниками, которые вела со дня возвращения в Китай. Их было уже шесть толстых тетрадей.

Двадцать с лишним сотрудников нашего отдела нагрянули ко мне ночью 28 августа 1968 года, через три месяца после смерти матери. Они выгнали мужа во двор, перенесли спящего шестилетнего сына в другую комнату и начали надо мной издеваться, в полном смысле этого слова. Я должна была стоять перед ними по стойке смирно, отвечать на все их вопросы, называть свою мать советской шпионкой. Малейшее непослушание сопровождалось криком, визгом, оскорблениями и руганью. Большая часть пришедших занималась моими вещами. Это был очень тщательный обыск.

С этого дня я лишилась свободы — меня заперли в так называемый политический изолятор. Но это было только полбеды. Главная мука была в том, что «революционные застрельщики» не давали мне ни минуты покоя, всячески старались унизить, оскорбить и даже физически дать знать, что ты отныне больше не человек, а игрушка в их руках. «Кошки забавлялись мышкой».

Ранним утром всех «врагов» выстраивали в маленьком закрытом дворе и заставляли каяться в преступлениях перед портретом Мао Цзэдуна — становиться на колени или стоять с низко опущенной головой и по очереди говорить о своих преступлениях. Это называется «просить у Председателя Мао отпустить грехи». Затем нас под конвоем вели в столовую и там выстраивали в специальный ряд «врагов», которые имели право только на самую примитивную еду. Во время еды наш стол окружала толпа, из которой в нас и на наш стол летели грязь, камни, стекло, вода и даже плевки. Уходили мы опять под конвоем. А днем каждый ждал своей очереди на так называемый «митинг борьбы»; здесь не было никаких правил, никаких ограничений, полный беспредел. «Революционные массы» не работали и не учились, их работа — классовая борьба. Это

называется «диктатурой революционных масс».

Однажды среди бела дня, когда я еще не успела встать и прибраться после обеденного перерыва (в Китае летом «мертвый час» обязателен даже в политическом изоляторе!), меня, разутую и полураздетую, буквально притащили на такой «митинг борьбы», устроенный специально по моему поводу. По дороге с ног у меня слетели носки, от блузки отлетели две пуговицы. Меня поставили в середине зала, и я предстала перед бушующей толпой в двести с лишним человек; почти все — переводчики нашего учреждения. Эта масса надрывалась от ненависти к «верной дочери советской шпионки» — такой титул дали мне «застрельщики революции». Я молча стояла и, с поднятой головой и опухшими глазами, смотрела вперед, в далекую пустоту. Я видела там свою повешенную мать, своего умирающего в лагере отца, слезы текли по лицу. Наконец, я начинала понимать своих родителей. Я ничего не видела и не слышала, ни визга и воплей толпы, ни вопросов, которые выкрикивали революционные активисты. Из толпы выбегали несколько бунтовщиков, они не могли стерпеть такого неуважения к ним со стороны «советской шпионки». Начиналось избиение. Несколько здоровых мужчин подбегали ко мне и бутсами сшибали меня на пол. Топтали, пинали, плевали. Я ничего не чувствовала, мне только было стыдно, что они делают это прилюдно. Ведь мне тогда был только тридцать один год. Зал в исступлении орал, визжал. Представление длилось больше часа. За все это время я не сказала ни слова. Меня в безумном состоянии тащили обратно.

Если бы эта пытка касалась только меня, я могла бы еще кое-как выдержать. Но «революционные массы» не пожалели и моего шестилетнего сына. В субботу его никто не взял из детского сада, и он оказался во дворе учреждения, куда вела боковая дверь из детсадовского дворика. Хуан Цзыцзян тоже временно был лишен свободы: его заперли в кабинете и заставляли писать на меня показания. Два дня подряд я через открытые окна слышала плач сына и его зов: «Мама, мама!»

Но я была заперта в маленьком дворике, который от большого двора отделяли деревянные ворота плюс наши надзиратели-мучители. Я бесилась в одиночке, плакала, кричала, стучала ногами в дверь, но ничем не могла помочь сыну. Лишь после того как мужа освободили, он отвел мальчика в семью рабочего, где тогда уже находилась моя годовалая дочка. Только здесь, далеко от образованных интеллигентов, в семье неграмотных простолюдинов, мои дети нашли временный приют и покой.

До этого я не спала и не ела пять дней подряд.

Я не помню, как провела эти дни.

Детский сад, в котором находился мой сын во время «культурной революции». Мой сын — слева первый в третьем ряду, за руку его держит няня, которую он очень боялся, поэтому дома в нашей комнате он ходил с флажком в руке и кричал: «Долой няню Чан!» Пекин, 1966 г.

Считаю, что совсем не сошла с ума я опять-таки по Божьей воле. Когда мне казалось, что все в моей жизни кончается, когда я жаждала смерти, передо мной появлялась старая цыганка с Волги и говорила мне: «Потерпи, потерпи! Всему будет конец!» И я надеялась увидеть свет в конце темного туннеля — мое далекое будущее.

Однажды солнечным днем, примерно через два месяца, во мне вдруг что-то заговорило: «Да ведь это только страшный сон, фактически детская игра сумасшедших! А почему бы тебе не поиграть с ними?» Настроение у меня сразу изменилось, я стала относиться к заключению как к спектаклю. Во время очередного допроса я уже не чувствовала себя бесконечно подавленной.

Мучители спрашивают:

— Признавайся, где ты была, когда твои родители занимались шпионажем?

Я стою перед ними по стойке смирно и твердо отвечаю:

— Конечно, вместе с ними!

Обезумевшие бунтовщики хватают ручки и бумагу — скорей, скорей, нужно спешно записать первые признания «врага народа».

— Вы говорите, что они были шпионами в Москве, значит, я находилась в животе матери и все, что они делали, слышала и видела.

Искривленные от гнева лица, еще одно избиение. Но мне весело, я чувствую себя победительницей.

Таким же образом я вела себя и во время так называемых допросов извне, то есть когда ко мне приходили брать показания на других «советских шпионов».

«Клуб Петефи». Так назвал наш «русский коллектив» сам Кан Шэн. Ко мне приходили «красные застрельщики революции» из Тяньцзиня, из университета Нанькай. Они объявили, что сам Кан Шэн назвал меня советской шпионкой, а всех нас, интердомовцев, «клубом Петефи». От них я узнала, что список наших имен они узнали от племянницы Кан Шэна, моей подруги Жени. Она также дала им наши фотокарточки. Я ни в чем не винила Женю, так как она могла сделать это неумышленно. Кто мог подумать, что нас, младших интердомовцев, заподозрят в шпионаже? Только человек не в своем уме. Так, хорошо, раз вы затеяли эту позорную игру, я вам подыграю. И я начала во всех красках расписывать им нашу интердомовскую жизнь, как мы друг другу помогали, как не чувствовали себя сиротами, даже без родителей. Они меня прерывали. Но меня уже было трудно остановить. От них я узнала, что большинство наших ребят, а также моих родственников и знакомых или подвергнуты политической проверке, или уже сидят в тюрьмах.

С наступлением зимы, чтобы экономить топливо для «буржуек», которыми мы пользовались, заключенных женщин объединили в одну камеру. Я оказалась в общей комнате с двумя женщинами очень необычной судьбы. Хотя нам разговаривать в комнате не разрешалось, мы ухитрились узнать друг о друге почти все подробности.

ЧЖОУ ХОЙНЯНЬ[10]. Она была матерью интердомовки Сею, а также женой бывшего директора Бюро переводов Ши Чже, бывшего личного переводчика Мао Цзэдуна, начиная со времен Яньани. Чжоу Хойнянь в то время было за шестьдесят. Посадил ее в политический изолятор тоже Кан Шен, потому что она очень много знала. В первые годы после создания КНР она жила во дворце Чжуннаньхай и состояла в одной партийной ячейке с Цзян Цин, женой Мао Цзэдуна, Ван Гуанмэй, женой Лю Шаоци, Дэн Иньцао, женой Чжоу Эньлая, и другими супругами вождей. Она мне часто рассказывала о том времени и удивлялась: как могли эти самые обычные и не очень умные женщины стать

руководителями в такой большой стране, как Китай? Только благодаря тому, что они — жены вождей?!

В начале тридцатых годов, когда ее новорожденному сыну не исполнилось и месяца, ее вместе с трехлетней Сею и малышом арестовали в Шанхае гоминьдановцы. В тюрьме она прикинулась невесткой известной старой революционерки по фамилии Ся, о которой в коммунистическом Китае написано немало книг. Таким образом, Чжоу Хойнянь тоже стала известна широкому читателю. Просидела она с детьми больше трех лет. После тюрьмы она оказалась в освобожденном районе. Шестилетнюю Сею адъютант известного коммуниста Си Чжунсюня повез в детский дом в Яньани, а по дороге изнасиловал. Чего в течение нескольких лет не сделали гоминьдановцы, сделал молодой коммунист. Его расстреляли. Но это не помогло маленькой девочке, она на всю жизнь осталась с не забывающейся травмой. Я знала ее в Интердоме — очень странная была девушка. В 1950 году Сею заставили вернуться в Китай вместе с нами, хотя ей было уже семнадцать лет и она училась в техникуме. К этому времени она уже была советской гражданкой. В 1952 году она по своему советскому паспорту уехала из Харбина обратно в Советский Союз вместе с местными русскими.

Сейчас же ее мать Чжоу Хойнянь обвиняли в предательстве в гоминьдановской тюрьме и в пособничестве своей дочери — «изменнице родины». Она часто говорила мне: «В этом мире нет ничего справедливого, поэтому не нужно относиться к жизни очень серьезно». Она страдала страшными головными болями и высоким давлением, которое иногда превышало двести. Но наша охрана не разрешала ей лежать на кровати и заставляла ходить на физические работы вместе с нами. Это была очень стойкая женщина.

ЧЖОУ ЯПО. Она была из очень бедной семьи на юге Китая. Тринадцати лет родители продали ее в семью богатых людей, где она стала восьмой женой хозяина. В 1949 году хозяин сбежал на Тайвань, а юная девушка осталась одна. Вскоре на ней женился один из командиров Народно-освободительной армии. Этого человека несколько лет назад назначили политическим работником в наше Бюро переводов. Интеллигенты Бюро очень невзлюбили как бывшего военного, так и его жену, поэтому в самом начале «культурной революции» объявили их контрреволюционерами: Чжоу Япо, поскольку она была восьмой женой сбежавшего на Тайвань врага, а военного — как ее мужа. Чжоу жестоко избивали, она показывала мне на голове залысины, оставшиеся от выдернутых клочьев волос.

С нами во дворе оказались и заместители директора Бюро

переводов Ван Хойдэ[11] и Цзян Чуньфан. Мы с ними виделись на утренних «раскаяниях в преступлениях» и днем во время получасовых «прогулок» во дворе. Однажды в углу двора Ван Хойдэ мне тихо сказал: «Умный человек не будет подставляться под падающую на него глыбу». Обе Чжоу объяснили мне, что это — знаменитая китайская пословица, она означает: если опасность неминуема, то умный человек постарается от нее увернуться. Ван Хойдэ во время «культурной революции» именно так и поступал: во всех грехах, которые ему навязывали, признавался, был послушным, поэтому его мало били. А наш добрый Цзян Чуньфан часто пробовал оправдаться и много говорил — вот бунтовщики и таскали его по всем «митингам борьбы». Наконец, однажды ночью, его арестовали и посадили в тюрьму на шесть лет. Из этих примеров я поняла, что с бунтовщиками нечего вести разговоры и выяснять, кто прав кто виноват, — так или иначе, тот, кто уже считается врагом, всегда будет виноват. Поэтому поведение Ван Хойдэ более оправдано и мудро, чем мое и Цзяна.

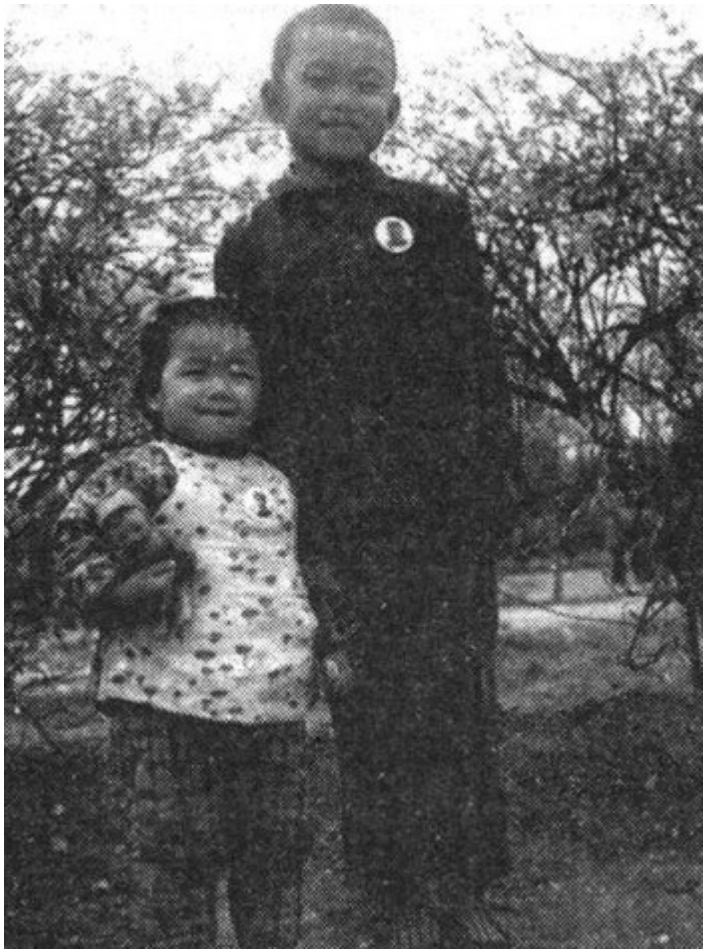
Прошло полгода. Для руководства движением в Бюро переводов пришла «революционная группа рабочих и военных», так как Мао Цзэдун объявил интеллигенцию «вонючими девятыми[12] врагами», которым нельзя доверять. По его определению, первые восемь категорий врагов — помещики, кулаки, контрреволюционеры, вредные элементы, правые элементы, империалисты, ревизионисты и люди, обладающие властью, но идущие по капиталистическому пути. К восьмой категории он отнес Лю Шаоци, Дэн Сяопина и других высокопоставленных кадровых работников КПК. Членами вновь прибывшей группы были полуграмотные рабочие и солдаты. Они мало прислушивались к мнению интеллигентов-стукачей, им нужны были перемены, поэтому они решили распустить политический изолятор. Таким образом, после Праздника Весны, то есть в феврале 1969 года, я была освобождена.

Нужно отдать справедливость моему мужу Хуану Цзыцзяну — за все время пока я находилась в заключении, он не только не давал негативных показаний, но, наоборот, защищал меня, хотя его положение было тоже плачевным. Мою зарплату или совсем не выдавали, или выдавали только половину, а ему нужно было содержать двоих детей. Он аккуратно платил семье рабочего, а на оставшиеся деньги жил впроголодь. По возвращении домой я застала его в такой депрессии, что поняла: ему было труднее, чем мне.

Меня вернули домой, но это не значило, что я полностью свободна — официально я находилась под надзором «революционных масс». В то время по всему Китаю разошлась,

как чума, специфическая болезнь: весь народ, от мала до велика, от самых низов до самых верхов, не только участвовал в утренних и вечерних церемониях верности Председателю Мао, но и отплясывал каждый день «танцы верности Председателю Мао». Враги не имели права участвовать в подобных революционных актах. Стою я перед работой у окна на шестом этаже, смотрю вниз, где собралась толпа, и вдруг вижу, как эта черная масса задвигалась, все быстрее и быстрее. Это было страшное зрелище: дикий танец безумных людей, в котором участвовали и дети из детского сада, и рабочие, приехавшие руководить политическим движением, и старавшаяся доказать свою революционность интеллигенция. Такое безумие продолжалось несколько месяцев. Говорят, что руководство Военного округа Синьцзяна, состоявшее из генералов, приехало с отчетом в Пекин. Эти седые генералы, как только увидели Мао Цзэдуна, сразу же стали отплясывать перед ним «танец верности». Мао Цзэдун махнул на них рукой и ушел. С тех пор безумный танец запретили. Однако каждодневные церемонии верности Мао Цзэдуну и Линь Бяо продолжались очень долго, вплоть до неожиданной гибели Линь Бяо.

В начале 1969 года Мао и Линь спровоцировали вооруженный инцидент на Амуре и объявили об опасности войны со стороны «современного ревизионизма», то есть Советского Союза. Как с китайской стороны, так и с советской было убито немало людей. Я хорошо понимала, что инцидент развязан в корыстных целях китайского руководства, а советские лидеры опять попались на удочку Мао Цзэдуна. Опять по всей стране прокатилась волна национализма-патриотизма: все на защиту Родины! Из Пекина под предлогом необходимости перевоспитания буржуазной интеллигенции начали эвакуировать учреждения. Я, разумеется, попала в первую партию сотрудников, которую отправляли в так называемую «кадровую школу 7 мая» на юге Китая; фактически это были трудовые лагеря. Мне было бы легче уехать одной, но Хуан настаивал на отъезде всей семьей, что было самым худшим вариантом. Но тогда времени на раздумья не было, пришлось с ним согласиться. Потом мы за такое решение горько поплатились тяжелой болезнью двухлетней дочки.



Мои дети перед отъездом в трудовой лагерь в провинции Цзянси. В то время даже маленькие дети должны были носить значок с портретом Мао Цзэдуна, а также участвовать в каждодневных ритуалах верности Председателю Мао и его заместителю Линь Бяо. Пекин, 1969 г.

«Кадровая школа Центральной канцелярии ЦК КПК», находившаяся около озера Боян в провинции Цзянси, считалась образцом для всей страны. Это было опытное поле заведующего канцелярией ЦК КПК Ван Дунсина, одного из ближайших помощников Мао Цзэдуна во время «культурной революции». Сюда и была направлена первая партия сотрудников Бюро переводов на так называемое перевоспитание.

Насколько левацкой была атмосфера этого трудового лагеря, можно судить по первому дню нашего прибытия.

После полуторасуточной езды на поезде, притом сидя, а я еще с ребенком на руках, мы наконец приехали на место нашего перевоспитания. Не успели выгрузиться, как нам объявили, что всем взрослым нужно тут же взять лопаты и идти рыть канал, багаж отправят на место нового жилья на машинах. Дочка, которая была привязана у меня за спиной, заплакала, когда я попыталась передать ее незнакомым людям. Поэтому меня и других мам маленьких детей освободили от работы, и мы поехали с багажом на базу. Остальные вернулись только затемно. Все наскоро поужинали, затем было созвано собрание, на котором объявили, что супруги не могут жить вместе. Дети оставались с матерями, но жилье наше располагалось в деревне, в двадцати минутах ходьбы от основной базы. Это значило, что каждый день мы должны ни свет ни заря вставать вместе с детьми, идти по полям на базу, за пять минут наскоро завтракать и затем вливаться в общую толпу работяг. А у меня на руках двухлетняя дочка и семилетний сын. Таким образом, «трудовое воспитание» начиналось в пять утра, кончалось в десять вечера, после чего мы с детьми должны были еще тащиться в деревню, где нас со всех сторон атаковали голодные собаки. Чтобы защитить детей, все мамы с малышами на руках вставали в один круг. Старшие дети, вроде моего семилетнего сына, стояли внутри этого круга, навзрыд плача и крича от испуга. Невеселая картинка. Такой режим рабского труда морально и физически не мог выдержать никто из нас, ни матери, ни дети. Мой муж, который жил отдельно на базе, старался помочь мне справиться с двумя детьми, но его вскоре отослали в другой район, откуда он не мог приходить к нам.

С первых дней начальство объявило, что дети, как и родители, должны пройти перевоспитание, они должны питаться той же грубой пищей, что и родители, ни сладостей, ни другой детской еды им не полагается. Мою двухлетнею дочку это обрекало на голод. Грубую пищу она просто не переваривала, а ничего другого не было. Она целыми днями плакала. Через два месяца у нее началась хроническая дизентерия, еще через несколько месяцев она перестала расти. А я тем временем должна была работать на кухне по шестнадцать часов в день. Жизнь была до того беспросветной, что я однажды даже подумала, зачем я дала жизнь этому ребенку. Случилось это, когда через несколько месяцев мой муж пришел навестить нас. Он не мог выдержать бесконечного плача ребенка, в ярости схватил дочку в охапку и унес в отдаленный угол, где шлепал ее, пока она не перестала плакать. Когда он вернул мне малышку, из ее слабой груди слышался приглушенный хрип.

Слезы полились из моих глаз, я сначала подумала: зачем так страдать ребенку, — но, когда еще раз посмотрела на тихо стонущую у меня на руках девочку, дала себе слово, что спасу ее во что бы то ни стало. После этого я билась целых семь лет, чтобы вырвать дочку из цепких лап смерти.

Больная дочка перед возвращением в Пекин, провинция Цзянси, лето 1971 г.

Простые человеческие чувства, переживания, эмоции — все это было сознательно забыто и подавлено тяжелым трудом. Меня сначала поставили на земляные работы, а через несколько месяцев перевели на кухню: я топила печь, таскала на коромыслах воду из примитивного колодца, больше ста больших ведер в день. Физический труд для меня был не в новинку, я привыкла к нему еще со времен Интердома, а затем была в китайской деревне три раза, по несколько месяцев каждый раз. Поэтому, в отличие от многих изнеженных сотрудниц нашего учреждения, я считалась знающим и усердным тружеником. Сама

же я старалась тяжелой работой заглушить невеселые думы.

На кухне главными поварами были два шеф-повара, которые еще в старые времена прошли весь путь от подмастерья до шефа. Оба принимали участие, когда меня избивали в Пекине. Поначалу мы очень настороженно отнеслись друг к другу. Но через несколько дней они увидели во мне своего человека и по собственной инициативе протянули мне дружескую руку — извинились передо мной. Я знала, что эти полуграмотные рабочие никакие счеты со мной не сводили и не могли сводить, они были настроены против меня образованными интеллигентами, многие из которых знали меня не один год, а некоторые даже считались моими друзьями. Оба шефа стали помогать мне спасать детей — подкармливали дочку и сына, оставляли их на кухне, когда я работала в поле. Они даже с помощью другого рабочего, который каждый день ездил в уездный город на велосипеде за продуктами, исподтишка добывали для меня кое-какую детскую еду. Мои дети научились молчать и скрываться от взрослых на складе, где лакомились полученными через поваров сладостями. Чтобы искупить передо мной свою вину, эти рабочие стали тайно обучать меня своему ремеслу — готовить китайскую пищу. Я высоко это оценила, поскольку знала, что по китайским обычаям мастера не могли обучать своему искусству даже своих дочерей, так как те не являлись их прямыми наследниками. Простые люди, поняв, что ошибались, могли открыто в этом признаться и извиниться перед своей жертвой; высокообразованные интеллигенты очень редко достигают уровня великодушия этих людей. Такой вывод я сделала тогда из наших отношений.

«Революционизация вместо механизации!» — в трудовом лагере был провозглашен такой лозунг, чтобы вконец измотать «вонючую интеллигенцию». И вот у тракторов отключаются моторы, а мы при помощи толстых канатов тянем трактор по водным рисовым полям. После такой работы на ногах появляются бесчисленные раны, так как поля находятся на дне озера, острые края ракушек, корни растений и просто разные камни не щадили наших ног. Но руководители гнали своих жертв на водные поля, даже если на ногах появлялись гнойные раны. Однажды мы, женщины, не выдержали и пошли на поле в высоких резиновых сапогах; нас тут же заставили снять сапоги и войти в воду босиком.

«Не распрямляться двести метров!» — при посадке риса мы сгибаем тело под острым углом и не имеем права поднимать головы «от края до края» поля. После одного такого «забега», когда я наконец добралась до конца прохода и начала медленно

разгибаться, у меня вдруг закружилась голова, и я упала. Как будто кто-то острым молотком стукнул меня по голове. Когда я привела в себя, оказалось, что шейные позвонки не желают работать — они были полностью парализованы, голова не поднималась и моталась в разные стороны, как растения на ветру. По утрам сильно тошнило, язык не поворачивался, губы немели, было трудно говорить. Но я должна была трудиться и заботиться о детях, особенно о больной дочке.

Спасла китайская медицина. Китайские врачи поставили диагноз: острые спазмы сосудов от физического удара. Я, опираясь на слабые плечи восьмилетнего сына, почти каждый день ходила в поселок к врачу, который лечил меня акупунктурой и точечным массажем. Через два месяца шея постепенно стала выпрямляться, еще через четыре месяца голова почти полностью поднялась. Однако эта болезнь потом постоянно давала о себе знать частыми обмороками, головными болями, сильными головокружениями и рвотой.

Несмотря на болезнь трехлетней дочки и мою болезнь, мы все равно раз в неделю должны были после ужина ходить смотреть фильмы, поскольку, как было объявлено, это было нашим политическим долгом перед «знаменосцем пролетарской литературы и искусства» Цзян Цин. Именно она запретила народу все культурные развлечения, включая и кинофильмы, кроме ее «восьми революционных образцов искусства». И вот, после тяжелой работы, мы вместе с детьми в общем строю тащимся за десять километров в поселок для очередного «перевоспитания» — смотреть «образцы искусства», которые видели не меньше двадцати раз. На обратном пути оба ребенка засыпали, помогали мне дотащить их до дома новые друзья из кухни. Рабочие не боялись протянуть руку помощи «врагу народа», не то что «вонючая интеллигенция», которая боялась себя запятнать.

В течение всего первого года не было ни выходных, ни отпусков. Вечером ежедневно устраивались политические собрания, которые заканчивались около одиннадцати часов. Детей перетаскивали в деревню, где я жила с ними одна, опять-таки новые друзья. Утром в четыре часа я поднималась, будила сына, брала на руки дочку, и мы возвращались на кухню, где дети досыпали на скамейках. Я безропотно тянула эту лямку долгие два года.

Как ни странно, помогала мне преодолевать невзгоды нищета крестьян вокруг меня. Когда я видела голодных, с раздутыми животами и тоненькими ножками и ручками, детей, которые бегали голыми вместе с голодными собаками по грязным улочкам деревни, когда я видела худых и недоразвитых школьников из

класса, в котором учился мой сын и другие дети моих сотрудников и которые были на две головы ниже наших детей, когда я слышала плач больной девочки с большим фурункулом на шее, и никто не мог ей помочь, — я сразу сравнивала жизнь этих крестьян с нашей. У нас все-таки была какая-то надежда в будущем вырваться из тупика, а у них никакой надежды не было. Они испокон веков, из поколения в поколение маялись в примитивных домах, спали всей семьей на общих топчанах, ели один раз в день весь год, у них не было топлива, даже опавшие листья с деревьев и сухую траву экономили, как могли. А о медицинской помощи вообще и мечтать не могли. Зимой взрослые сажали маленьких детей в деревянные бочки, наполненные грязными тряпками и ватой, по нескольку детей в одну бочку, чтобы они не замерзли. Дети находились в бочках по несколько месяцев, я видела, как измотанные такой жизнью матери вынимали оттуда умерших от голода и болезней детей. Когда я обнаруживала пропажу детской одежды в моей комнате, я не жаловалась и не роптала, так как жизнь моих детей не шла ни в какое сравнение с крестьянской. Когда одноклассники моего сына вырывали из рук наших детей кукурузные лепешки, которые те брали в школу в качестве обеда, я и к этому относилась снисходительно и учила сына жалеть своих сверстников. Когда я видела плачущих от боли детишек, я тайком от нашей интеллигенции помогала им — обмывала воспаленные места и смазывала лекарствами. Однако я знала, что на всех не напасешься, всю деревню не согреешь. Раньше я видела нищее существование крестьян на севере Китая, и мне это тоже помогало преодолевать свои трудности, но то, что я увидела на юге, и во сне не приснилось бы.

Наша рота называлась Тринадцатой. Я давно заметила, что это число всю жизнь преследует меня, почти все мои беды связаны с ним. Родилась 13 января, отца арестовали на Тверском бульваре, 13, в тринадцать лет меня вывезли в Китай, в «13-ти гробницах» я впервые познала, что такое тяжкий физический труд, свою переводческую работу начала в гостинице по адресу Ваньшоулу, 13, наконец, приехала с детьми в трудовой лагерь — и опять рота № 13.

Однако, тринадцатого числа произошло событие, которое потрясло весь Китай и в большой степени повлияло на мою судьбу и судьбу моих детей, но в лучшую сторону.

13 сентября 1971 года Линь Бяо после неудавшегося покушения на Мао Цзэдуна вдруг решил бежать за границу и разбился с сыном и женой в Монголии. Это событие потрясло всех, так как лишь два года назад Мао Цзэдун на Девятом съезде

партии объявил Линь Бяо своим преемником и даже закрепил это решение в Уставе КПК. В памяти китайского народа были еще свежи торжественные речи вождей, передовые статьи в «Женьминь жибао», а также демонстрации по всему Китаю в честь этого события. А теперь этот «верный ученик и соратник Мао Цзэдуна» спланировал взрыв поезда вождя, а после неудавшегося покушения забрал секретные документы и на самолете бросился в объятия «врага номер один» — Советского Союза, но не долетел и сгорел заживо вместе с женой и сыном. Как и чем это объяснить? Большинству здравомыслящих людей было над чем призадуматься.

В конце 1971 года явно почувствовались послабления в лагерной жизни — в воскресенье мы могли отдыхать и даже ходить в ближайший поселок за любыми покупками, мой муж вернулся в семью, меня приравняли к «революционным массам» и даже разрешили съездить в город Наньчан для обследования дочки. Ее здоровье было подорвано до такой степени, что врачи сказали, что помочь ничем не могут. В конце декабря руководство решило отправить всю нашу семью вместе с первой партией возвращающихся сотрудников Бюро переводов обратно в Пекин. После возвращения в Пекин я потратила более семи лет на лечение дочки, для нас обеих это были годы мук и страданий, но я все-таки выполнила данное себе обещание — спасти девочку от неминуемой смерти.

notes

Примечания

1

Печатается в авторской редакции; сохранена транскрипция имен и географических названий. Редакция благодарит автора за безвозмездное предоставление права публикации глав из книги.

2

Группа переводчиков, работавших во «Временном комитете по переводам произведений Мао Цзэдуна и важнейших документов ЦК КПК». *(Здесь и далее, кроме оговоренного случая, — прим ред.)*

3

Ира И-минь — молочная сестра, одноклассница, ближайшая подруга Лены.

4

«История любви Эмми и Евы Сяо». («ИЛ», 2014, № 6).

5

Дочь Мао Цзедуна и его третьей жены Хэ Цзычжень.

6

Пропагандистские плакаты и листовки времен «культурной революции» в КНР.

7

Кан Шэн (1898–1975) — один из лидеров Коммунистической партии Китая, до самой смерти возглавлявший органы госбезопасности КНР; известен своей жестокостью («китайский Берия»). Один из главных организаторов «культурной революции»; после смерти был осужден вместе с членами «Банды четырех».

8

Хунвейбины — в переводе с *кит.* красные охранники, красногвардейцы, члены созданных в 1966–1967 гг. отрядов студенческой и школьной молодежи, одни из наиболее активных участников «культурной революции».

9

Отцом старшей сестры Лены был муж матери — соратник по подпольной работе, навязанный ей по соображениям конспирации.

10

Чжоу Хойнянь (1911–1997) — старая революционерка, уроженка провинции Хэнань. В начале 30-х гг. участвовала в деятельности так называемых «красных отрядов» в Шанхае. Ее несчастная судьба, возможно, была предрешена именно этой таинственной историей: слишком много знала. *(Прим. автора.)*

11

Ван Хойдэ (1922–1993) — уроженец провинции Сычуань, в 1938 г. прибыл в Яньань, в том же году вступил в КПК. После «культурной революции» был заместителем заведующего отделом пропаганды ЦК КПК, по совместительству директором Бюро переводов.

12

КПК разделила людей на категории; среди классов, названных врагами, интеллигенция значилась под № 9 после частных собственников, реакционеров, шпионов и т. д.